

За одну ночь клан Шэнь сменил хозяина. Шэнь Цунъань, чьё имя ещё недавно заставляло содрогаться весь преступный мир, оказался заперт собственным приёмным сыном в особняке, который ещё несколько дней назад принадлежал ему самому.

Переворот в семье Шэнь всколыхнул весь подпольный мир. Все ждали, что Шэнь Цунъань, которому не было и сорока, проявит свою железную волю, жестоко расправится с предателем-сыном и явит миру захватывающую драму борьбы за власть.

Увы, этого не случилось.

До всех, кто прятался в тени, доходили лишь слухи: Шэнь Цунъань, словно старик на закате лет, целыми днями возился в особняке с цветами, не проявляя ни малейшего интереса к тому, что творилось за окнами.

Одни говорили, что Шэнь Цунъань постарел и больше не тот грозный глава семьи Шэнь, который в одиночку мог ворваться на банкет злейшего врага, убить любого, кто встанет на пути, и выйти сухим из воды.

Другие же хранили молчание. Они были такими же, как Шэнь Цунъань — людьми, десятилетиями погрязавшими в этой грязной трясине. Они знали: чтобы подняться до высот Шэнь Цунъаня, нужно иметь сердце, в котором течёт чёрная кровь.

Они понимали лучше других: Шэнь Цунъаню даже не нужно было отдавать приказ — стоило ему лишь косвенно выразить недовольство, и его приёмный сын в одночасье был бы разорван в клочья, лишившись своей иллюзорной власти.

Даже молодой господин семьи Ду, его близкий друг, не смог бы его спасти.

И всё же, несмотря на домыслы и сомнения, в семье Шэнь, словно при новой династии после дворцового переворота, царило пугающее спокойствие.

В одном из пригородных особняков, принадлежащих клану, было тихо. Охрана давно привыкла к приказу: никому не приближаться к дому ближе чем на двадцать метров без особого распоряжения. Каждую неделю, когда новый глава приходил навестить старого, они получали одно и то же указание.

Они были лишь бездушными винтиками в механизме семьи Шэнь, и их не касалось, проявляет ли новый хозяин к старику сыновнюю почтительность или же, напротив, попирает все законы.

Поэтому никто не знал, что если сейчас войти через парадную дверь, миновать гостиную, пройти по длинному коридору в оранжерею с климат-контролем и заглянуть в приоткрытую дверь, можно увидеть нечто иное. Новый глава семьи Шэнь, обычно холодный и невозмутимый, сидел верхом на мужчине, прижатом к стеклянной стене, с затуманенным взором и срывался

на стоны.

Куда делась его привычная ледяная маска?

Двое предавались безумию в этом уединённом цветочном саду, пока наконец стоны не переросли в протяжный, полный слёз вскрик, после чего в оранжевое воцарилась мёртвая тишина.

Шэнь Фань с каменным лицом вытерся верхней одеждой мужчины, с трудом поднялся, поправил одежду и, даже не взглянув на лежащего на полу человека, направился к выходу.

Словно тот, кто полулежал на полу, был лишь инструментом для удовлетворения его похоти.

Но мужчина, который обычно молча провожал его взглядом, внезапно подал голос:

— У тебя с этим мальчишкой из семьи Ду... в последнее время всё неладно?

Молодой человек, уже сделавший несколько шагов, замер:

— Какое тебе до этого дело?

Сидящий на полу мужчина, не обращая внимания на свой жалкий вид, помолчал. Увидев, что юноша всё ещё стоит на месте, он тихо вздохнул:

— Паренёк из семьи Ду не питает к тебе искренних чувств. Я говорю это ради твоего же блага.

— Ради моего блага?!

Мужчина, только что сохранявший спокойствие, словно взбесился. Его лицо исказилось от неприкрытой ненависти. Он широким шагом подошёл к сидящему, его покрасневшие глаза напоминали зверя, готового растерзать добычу, но на губах играла пугающая улыбка:

— Шэнь Цунъань, ты, подонок, который не погнушался посягнуть на ребёнка, не смей строить из себя святошу! Когда ты использовал меня как мужчину по вызову, ты почему-то не вспоминал о благородстве! Ты думаешь, теперь, когда ты так заговорил, я тебя отпущу?!

Сидящий на полу мужчина опустил взгляд и промолчал.

Молодой человек постепенно взял себя в руки и спустя время холодно усмехнулся:

— Шэнь Цунъань, ты забыл, чему сам меня учил? Ошибка есть ошибка. Если ты совершил проступок, не мечтай всё исправить. Тебе остаётся лишь ждать расплаты!

Сказав это, он с отвращением взглянул на мужчину, развернулся и ускорил шаг, словно не желал провести в этом грязном месте ни секунды больше.

Когда фигура молодого человека почти скрылась за дверью, мужчина на полу медленно поднял глаза. В его глубоких, как ночь, зрачках застыла тяжёлая печаль:

— Я никогда не считал, что затащить тебя в постель было ошибкой.

Бам!

В стене, в паре сантиметров от виска мужчины, появилась пулевая отметина, из которой тонкой струйкой шёл дым. Юноша с пистолетом в руке стоял в дверях, его лицо было ледяным. Спустя мгновение он развернулся и ушёл:

— Я не хочу, чтобы ты так легко отделался. Так что, Шэнь Цунъань, лучше не зли меня.

...

Спустя долгое время мужчина, всё это время не шевелившийся, медленно встал. Он опустил руку и коснулся ещё тёплой от выстрела стены, горько усмехнувшись.

— Шэнь Фань...

В три часа ночи Шэнь Фань резко проснулся в холодном поту.

Ему опять снился этот кошмар.

Снова и снова он видел те дни своей слабости. Вечер его шестнадцатилетия: приёмный отец, которого он боготворил, принёс его, полубессознательного, в спальню и, не слушая криков, слёз и мольбы о пощаде, грубо овладел им.

Этот жар, подобный раскалённому железу, не только разорвал его тело, но и уничтожил всё то, чем он так дорожил — веру в отца и их хрупкую связь.

Он годами старался заслужить одобрение этого человека — мечтал, чтобы отец услышал хотя бы самое простое слово похвалы, лелеял их отношения. А тот ради минутного удовлетворения похоти безжалостно втоптал всё это в грязь.

И пути назад уже не было.

Семь лет после этого он был ещё осторожнее. Он сам лез в постель к этому мужчине, позволяя обращаться с собой как с последней дешёвкой, пытаясь угодить тому, кого сам же и ненавидел.

Всё ради того, чтобы однажды посмотреть на этого высокомерного, недостижимого человека сверху вниз. Он хотел, чтобы тот склонился перед ним, прося прощения и рыдая.

Хотя он знал, что это невозможно.

Этот мужчина — самый гордый человек на свете. Он мог отнять у него власть, статус и даже жизнь, как сделал это сейчас, но сломить его гордость не мог никто.

Шэнь Цунъань был своим собственным богом.

А Шэнь Фань?

Шэнь Фань вошёл в ванную и, закрыв глаза, погрузил лицо в ледяную воду.

Шэнь Фань был всего лишь игрушкой, которой пользовался Шэнь Цунъань. Даже нося имя приёмного сына, даже живя под ярким солнцем в семье Шэнь столько лет. Даже став новым главой, держа в руках право карать и миловать.

Для этого человека, как и для всего тёмного мира, он оставался лишь...

После переворота в семье Шэнь по империи теней пронёсся новый слух, взбудораживший влиятельные семьи.

Говорили, что молодой господин семьи Ду, Ду Чэнцзинь, и новый глава клана Шэнь, Шэнь Фань, состоят в любовной связи.

Эта новость за одну ночь стала достоянием общественности, и Шэнь Фань снова оказался в центре всеобщего внимания.

Главный зал особняка Шэнь, охваченного бурей.

Ду Чэнцзинь уже минут десять хмуро сидел на диване, и каждая секунда тянулась для него бесконечно долго.

Наконец, с винтовой лестницы послышались шаги. Молодой человек в халате, с небрежно накинутым на плечи одеянием, спускался вниз, вытирая мокрые тёмные волосы. Он выглядел расслабленным и равнодушным.

Ду Чэнцзинь никогда раньше не видел Шэнь Фаня таким... раскованным и свободным. Он на несколько секунд застыл, забыв, зачем пришёл и что хотел сказать.

Шэнь Фань помахал перед его лицом длинными белыми пальцами:

— Примчался ко мне с самого утра, что случилось?

Ду Чэнцзинь опомнился, лицо его изменилось. Слова едва не сорвались с языка, но он подавил эмоции:

— ...Это правда, что ты... разболтал о наших отношениях?

Хотя Ду Чэнцзинь пытался скрыть недовольство, Шэнь Фань всё заметил. Его карие глаза слегка сузились. Он пристально смотрел на Ду Чэнцзиня, пока тот не начал чувствовать себя неловко, и лишь тогда Шэнь Фань улыбнулся, изогнув алые губы в острой, красивой усмешке:

— Ты пришёл допросить меня, Чэнцзинь?

Голос его звучал тихо, но в нём чувствовалась скрытая угроза. Ду Чэнцзинь вздрогнул, смутившись.

— Я не хотел, чтобы это стало известно... Ты же знаешь, я ещё не полностью контролирую семью Ду. Тебе следовало дать мне время подготовиться.

— О? — Шэнь Фань лениво приподнял бровь, улыбаясь с вызывающей небрежностью. Он отвернулся к окну, и на мгновение в его взгляде промелькнула холодная сталь. — С каких пор мне, Шэнь Фаню, нужно спрашивать разрешения у других, с кем мне делить постель?

Голос юноши казался таким тихим, что мог раствориться в воздухе, но за этой спиной, казалось, скрывалась бездна жестокости.

— Шэнь Фань! — лицо Ду Чэнцзиня изменилось. — У нас ничего не было, я не хочу, чтобы они что-то там себе напридумывали! Мы ведь просто договорились попробовать, не так ли?

Улыбка на лице молодого человека исчезла.

Спустя три секунды Шэнь Фань повернулся и спокойно посмотрел на Ду Чэнцзиня:

— Повтори ещё раз.

— Я...

Ду Чэнцзинь запнулся, чувствуя, что проваливается в бесконечную бездну тишины.

— Достаточно.

Шэнь Фань внезапно махнул рукой. В этот момент его настроение вновь стало ленивым и безразличным, будто его больше ничего не интересовало. Он направился в сторону ванной на первом этаже:

— Я прошлой ночью был слишком активен, иди домой.

Ду Чэнцзинь остался стоять на месте, глядя, как Шэнь Фань исчезает из виду. Его лицо сменило несколько оттенков, прежде чем он, сжав кулаки, покинул особняк.

Как только входная дверь закрылась, молодой человек в халате снова появился в тени коридора. Он молча стоял там, не двигаясь.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем в воздухе раздался его тихий смешок. Он отдал приказ слуге, который стоял в гостиной, словно безликий предмет интерьера:

— Подай машину. Я поеду навестить отца.

— Слушаюсь, глава.

Пригородный особняк семьи Шэнь.

Шэнь Цунъань был одет в спортивный костюм, пропитанный потом, который подчёркивал рельеф его мышц.

Человек, о котором говорили, что он одним движением пальца с сигаретой может уничтожить вековой род, сейчас выглядел как самый обычный человек. Даже его глубокие черты лица, которые могли бы украсить обложку любого журнала, сейчас не выдавали в нём ничего, кроме спокойствия.

Это спокойствие раздражало мужчину в одежде садовника, сидевшего на диване:

— Это же твоё дело, твоё наследие! Ты правда собираешься стоять в стороне? Или, как говорят другие, ты просто постарел и уже не можешь приструнить даже одного Шэнь Фаня?

Шэнь Цунъань словно не слышал его. Он выключил беговую дорожку и, накинув на плечи белое полотенце, подошёл к гостю.

— Ты растерял всю свою жестокость и решительность? Мы все в ярости из-за тебя! Ты правда можешь это проглотить?

— ...

— Сын свергает отца — это табу в нашем мире! Ты думаешь, если промолчишь, всё утихнет?!

— ...

Увидев, что в глазах мужчины по-прежнему ни ряби, гость наконец сдался:

— Молодой господин семьи Ду и твой неблагодарный выкормыш устроили такой шум, что слухи скоро поглотят весь клан Шэнь! Ты правда позволишь этому щенку так бесчинствовать?

Шэнь Цунъань, до этого не реагировавший на уговоры и провокации, внезапно остановился. Спустя мгновение он бросил на гостя тяжёлый взгляд:

— Больше я этого не услышу.

Гость замер, лишь спустя время осознав, что мужчину разозлило то, как он назвал Шэнь Фаня.

И только в этот миг в глазах Шэнь Цунъаня промелькнула та самая властная жестокость, которая когда-то позволяла ему управлять всем преступным миром.

Однако мгновение спустя давление рассеялось. Шэнь Цунъань снова стал обычным домоседом. Он подошёл к дивану, сел, взял сигарету с деревянного столика и вставил в рот, но не стал прикуривать.

— Пока вы рядом, за семью Шэнь я не беспокоюсь.

Он взял ещё несколько сигарет и начал вертеть их в руках. Тонкие и хрупкие, они вращались в его пальцах с невероятной скоростью, создавая причудливые узоры.

Гость смотрел на это с лёгким ужасом. Он знал, на что способны эти руки с чистыми, аккуратно подстриженными ногтями. Они могли сломать человеку шею, не дав ему умереть

сразу, или разобрать сложнейшее оружие на мельчайшие детали и собрать вновь одной рукой.

Всё это было в прошлом.

Теперь этот мужчина использовал их лишь для того, чтобы играть с сигаретами, ухаживать за цветами или... сжимать тонкую талию кое-кого, грубо входя в него.

В глазах Шэнь Цунъаня застыла непроглядная тьма:

— Шэнь Фань — единственный наследник семьи Шэнь. То, что он принял власть, лишь вопрос времени. Вам не стоит заикливаться на том, как именно он это сделал.

— Но семья Шэнь — это твоя жизнь, твоя кровь...

— Моя кровь?

Шэнь Цунъань впервые за долгое время улыбнулся, но улыбка была такой слабой, что казалась иллюзией, и тут же исчезла.

— Если захочу, завтра к утру, пока ты проснёшься, я создам вторую семью Шэнь.

Его голос звучал так спокойно, будто он говорил не о событии, способном потрясти мир, а о пустяке вроде поливки цветов.

— Но они правы, — Шэнь Цунъань опустил глаза на свои запястья, где под тканью спортивного костюма виднелся след. В этот миг в его взгляде промелькнула нежность. — Я постарел. Постарел настолько, что хочу лишь покоя и воспоминаний, хочу дожить свои дни под солнцем. Я никогда не отрицал того, что совершил. Но я знаю, что однажды толкнул человека в бездну, очернив его чистое тело и душу грязью, которую уже не смыть.

Он поднял голову, и в его глазах отразилась горечь:

— Я не прошу прощения, но я в долгу перед ним.

Гость открыл рот, но долго не мог вымолвить ни слова. Его голос дрожал:

— Шэнь Фань... ты...

Он понял, что наткнулся на нечто такое, что повергло бы в шок весь подпольный мир.

Шэнь Цунъань без колебаний кивнул:

— Теперь, когда ты знаешь, этого достаточно. Даже если он захочет моей жизни, я отдам её ему.

Гость снова хотел что-то сказать, но его прервал резкий звук открывающейся двери.

В дверях, стоя против света, появился Шэнь Фань. Увидев третьего человека, он прищурился:

— Ты кто?

Не дожидаясь ответа, он нетерпеливо махнул рукой:

— Убирайся.

Шэнь Цунъань первым встал, его взгляд был спокоен:

— Почему пришёл сегодня?

Шэнь Фань усмехнулся, сделал шаг в комнату и, не обращая внимания на ошарашенного гостя, начал расстёгивать пуговицы на рубашке:

— Я проголодался... — он сделал паузу и добавил с явной издевкой: — Хочу кое-чего пожрать.

Гость не знал, как реагировать на эту сцену. Он, не прощаясь с боссом, бросился вон, спотыкаясь на ходу.

В особняке Шэнь Цунъань на мгновение замер, затем отложил сигарету и пояснил под недовольным взглядом Шэнь Фаня:

— Я не прикуривал. Только что с беговой дорожки, ещё не мылся...

Не успел он договорить, как молодой человек, подобно прыткому леопарду, набросился на него, прервав остальные слова.

Шэнь Фань исследовал каждый дюйм его рта своим гибким языком, после чего отстранился. В его красивых карих глазах светилась нескрываемая злоба:

— Считаю, что сегодня — день моего шестнадцатилетия. Я сегодня без пистолета.

Шэнь Цунъань нахмурился.

— ...Приёмный отец, господин Шэнь Цунъань, — Шэнь Фань подлил масла в огонь, коснувшись языком его ушной раковины. — Это твой единственный шанс. Сегодня ты можешь убить меня в постели, грубо... а завтра ты будешь свободен.

Тело мужчины напряглось.

Шэнь Фань почти закрыл глаза, ожидая, что мужчина, как дикий зверь, разорвёт его в клочья. Почувствовав напряжение, он лишь насмешливо улыбнулся.

Но долгое время ничего не происходило. Наконец Шэнь Цунъань тихо вздохнул:

— Иногда мне действительно хочется тебя убить.

...Они были правы. Ты — волчонок, которого невозможно приручить.

Шэнь Цунъань очень баловал его, Шэнь Фань всегда это знал.

Только до шестнадцати лет он боялся, что их приёмная связь однажды сменится кровной, а после шестнадцати понял: его статус — это не только страховка, но и срок.

В конце концов, игрушка, которую держат при себе, рано или поздно надоест, и её выбросят, как мусор.

Поэтому всю свою жизнь, вплоть до дня переворота, Шэнь Фань ходил по лезвию ножа.

<http://bllate.org/book/21680/2236416>